U 105/102

И 102

ИЗЪ КНИГЪ
К. И. СОЛОВЬЕВА
№ 1447.

ОТВѢТЪ

Пастыря Церкви

Льву Толстому

НА ЕГО

„Обращеніе къ духовенству".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электрическая типографія МАКСИМОВА, Литейный, 40.
1903.

И 105/109

Дмитрій Павловичъ
БѢЛОУСОВЪ
Смоленскій рынокъ, соб. домъ.

(Кронштадскій И) Сергіевъ

ОТВѢТЪ

Пастыря Церкви

ЛЬВУ ТОЛСТОМУ

НА ЕГО

„Обращеніе къ духовенству“.

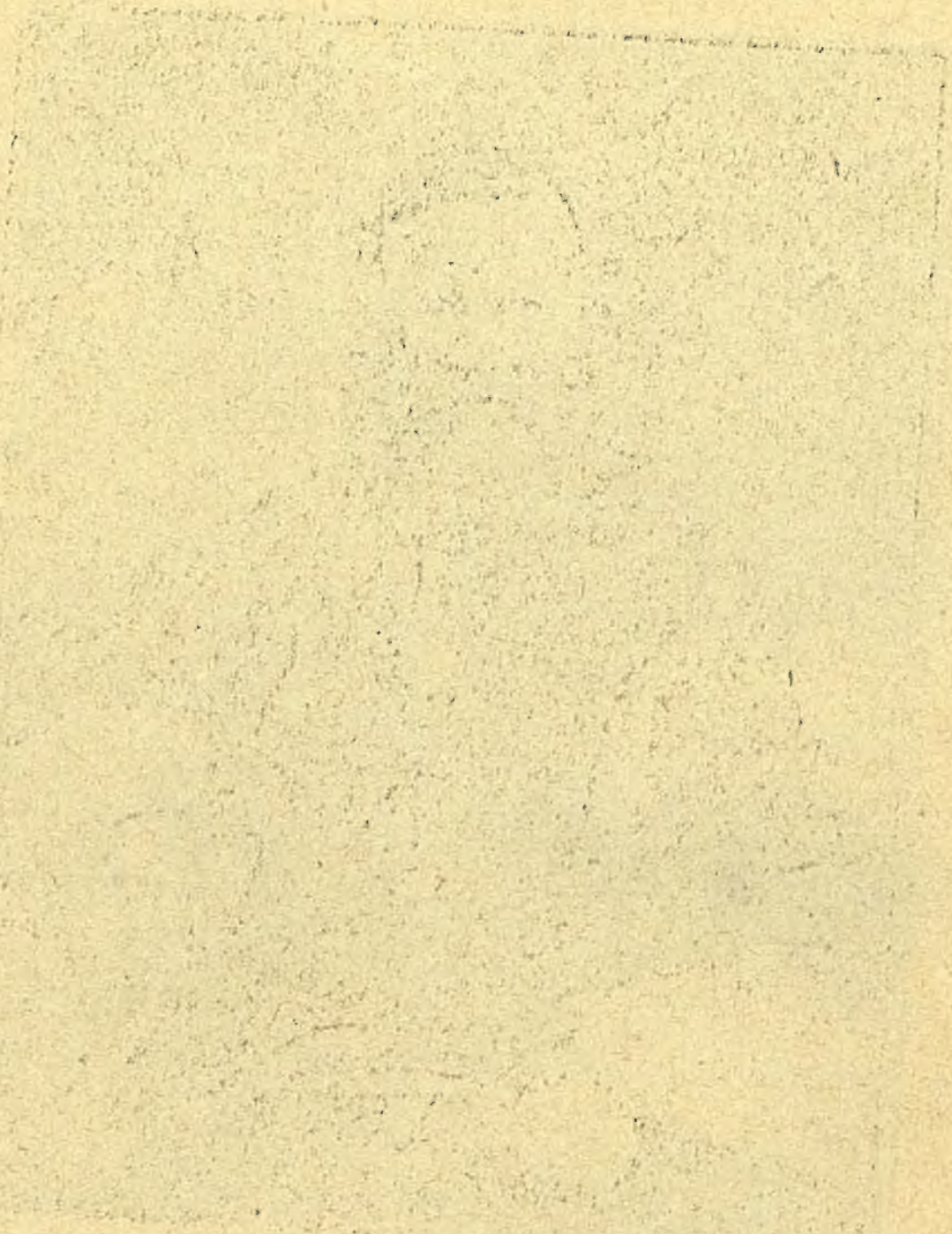
ср.30-2675

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электрическая типографія МАКСИМОВА, Литейный, 40.
1903.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 24 Октября 1903 г.
Цензоръ Іеромонахъ Александръ.

2007056311

Протоіерей Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ.



Отвѣтъ пастыря Церкви Льву Толстому на его „Обращеніе къ духовенству“.

Русскіе люди! хочу я вамъ показать безбожную личность Льва Толстого, по послѣднему его сочиненію, изданному за границей, озаглавленному: „Обращеніе къ духовенству“, т. е. вообще къ православному, католическому, протестантскому и англиканскому, — что видно изъ самаго начала его сочиненія. Не удивляйтесь моему намѣренію: странно было бы, еслибы я, прочитавъ это сочиненіе, не захотѣлъ сказать своего слова въ защиту вѣры христіанской, которую онъ такъ злобно, несправедливо, поноситъ вмѣстѣ съ духовенствомъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Въ настоящее время необходимо сказать это слово и представить наглядно эту безбожную личность, потому что весьма многіе не знаютъ ужаснаго богохульства Толстого, а знаютъ его, лишь какъ талантливаго писателя, по прежнимъ его сочиненіямъ: „Война и миръ“, „Анна Каренина“ и пр. Толстой извратилъ свою нравственную личность до уродливости, до омерзенія. Я не преувеличиваю. У меня въ рукахъ это сочиненіе, и вотъ въ кратцѣ его содержаніе.

Съ привычною развязностью писателя, съ крайнимъ сомообольщеніемъ и высоко поднятою головою, Левъ Толстой обращается къ духовенству всѣхъ вѣроисповѣданій и ставитъ его предъ своимъ судейскимъ трибуналомъ, представляя себя ихъ судьею. Тутъ сейчасъ же узнаешь Толстого, какъ по когтямъ льва. Но въ чемъ же онъ обличаетъ пастырей христіанскихъ церквей и за что осуждаетъ? Въ томъ что, представители этихъ христіанскихъ исповѣданій принимаютъ, какъ выраженіе точной христіанской истины, Никейскій символъ вѣры, котораго Толстой не признаетъ и въ который не вѣритъ, какъ несогласный съ его безбожіемъ.

Потомъ обличаетъ пастырей въ томъ, что предшественники ихъ преподавали эту истину преимущественно насиліемъ (наоборотъ, христіанъ всячески гнали и насиловали язычники и іудеи, откуда и явилось множество мучениковъ) и даже предписывали эту истину (канцелярскій слогъ) и казнили тѣхъ, которые не принимали ее (никогда не бывало этого съ православнымъ духовенствомъ). Далѣе Толстой въ скобкахъ пишетъ: милліоны и милліоны людей замучены, убиты, сожжены за то, что не хотѣли принять ее (попутно достается и православному духовенству). Въ словахъ Толстого очевидно явная клевета и совершенное незнаніе исторіи христіанской Церкви.

Слушайте дальше фальшивое словоизверженіе его: средство это (т. е. принужденіе къ принятію христіанской вѣры пытками) съ теченіемъ времени стало менѣе употребляться и употребляется теперь изъ всѣхъ христіанскихъ странъ (кажется) въ одной только Россіи.

Поднялась же рука Толстого написать такую гнусную клевету на Россію, на ея правительство!.. Да если бы это была правда, тогда Левъ Толстой давно бы былъ казненъ или повѣшенъ за свое без-

божіе, за хулу на Бога, на Церковь, за свои злонамѣренныя писанія, за соблазнъ десятковъ тысячъ русскаго юношества, за десятки тысячъ духоборовъ, имъ совращенныхъ, обманутыхъ, загубленныхъ. Между тѣмъ Толстой живетъ бариномъ въ своей Ясной Полянѣ и гуляетъ на полной свободѣ.

Далѣе Толстой нападаетъ на духовенство, знаете ли за что? За то, что оно внушаетъ церковное ученіе людямъ въ томъ состояніи, въ которомъ они не могутъ (будто бы) обсудить, того, что имъ передается: тутъ онъ разумѣетъ совершенно необразованныхъ рабочихъ, не имѣющихъ времени думать (а на что праздники и обстоятельныя внѣбогослужебныя изъяснительныя бесѣды пастырей Церкви?) и главное, дѣтей, которыя принимаютъ безъ разбора и навсегда запечатлѣваютъ въ своей памяти то что имъ передается. Какъ будто дѣти не должны принимать на вѣру слово истины.

Слушайте, слушайте, православные, что заповѣдуетъ духовенству всѣхъ странъ русскій Левъ: онъ пресерьезно и самоувѣренно утверждаетъ, что необразованныхъ, особенно рабочихъ и дѣтей не должно учить вѣрѣ въ Бога, въ Церковь, въ таинства, въ воскресеніе, въ будущую жизнь, не должно учить молиться, ибо все это, по Толстому, есть нелѣпость, и потому, что они не могутъ обсудить того, что имъ преподается, какъ будто у нихъ нѣтъ смысла и воспріимчивости, между тѣмъ какъ Господь изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершаетъ хвалу Своему величію и благости; утаиваетъ отъ премудрыхъ и разумныхъ Свою премудрость и открываетъ ее младенцамъ (Мѳ. 11, 25), и отъ гордеца Толстого утаилъ Свою премудрость и открылъ ее простымъ неученымъ людямъ, каковы были апостолы, и каковы и нынѣшніе простые и неученые или малоученые люди,—да не похвалится никакая плоть, никакой человѣкъ предъ Богомъ (1 Кор. 1, 29). Толстой хочетъ обратить въ дикарей и без-

божниковъ всѣхъ: и дѣтей и простой народъ, ибо и самъ сдѣлался совершеннымъ дикаремъ относительно вѣры и Церкви, по своему невоспитанію съ юности въ вѣрѣ и благочестіи. Думаю, что еслибы Толстому съ юности настоящимъ образомъ вложено было въ умъ и въ сердце христіанское ученіе, которое внушается всѣмъ съ самаго ранняго возраста,—то изъ него не вышелъ бы такой дерзкій, отъявленный безбожникъ, подобный Іудѣ предателю.—Невоспитанность Толстого съ юности и его разсѣянная, праздная съ похожденіями жизнь въ лѣта юности, — какъ это видно изъ собственнаго его описанія своей жизни въ его псевдонимѣ, — были главной причиной его радикальнаго безбожія, — знакомство съ западными безбожниками еще болѣе помогло ему стать на этотъ страшный путь, а отлученіе его отъ Церкви Святѣйшимъ Синодомъ озлобило его до крайней степени, оскорбивъ его графское писательское самолюбіе, домрачивъ его мірскую славу. Отсюда проистекла его беззастѣнчивая, наивная, злая клевета на все вообще духовенство и на вѣру христіанскую, на Церковь, на все священное богодухновенное Писаніе. Своими богохульными сочиненіями Толстой хочетъ не менѣе, если еще не болѣе, какъ апокалипсическій драконъ, отвергнуть третью часть звѣздъ небесныхъ, т. е. цѣлую треть христіанъ особенно интелегентныхъ людей и частію простого народа. О, если бы онъ вѣрилъ слову Спасителя, Который говоритъ въ Евангеліи: кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской (Мѳ. 18, 6).

* * *

Пойдемъ дальше въ глубину Толстовской мнимой мудрости. Горе, сказано въ Писаніи, тѣмъ, которые мудры въ самихъ себѣ и предъ собою ра-

зумны. Толстой считаетъ себя мудрѣе и правдивѣе всѣхъ, даже священныхъ писателей, умудренныхъ Духомъ Святымъ, Св. Писаніе признаетъ за сказку и поноситъ духовенство всѣхъ исповѣданій христіанскихъ за преподаваніе священной исторіи В. и Н. Завѣта, почитая за вымыселъ сказаніе о сотвореніи Богомъ міра и человѣка, о добрѣ и злѣ, о Богѣ,— высмѣиваетъ все священное бытописаніе и первый завѣтъ Божій человѣку о соблюденіи заповѣди, исполненіе которой должно было утвердить волю первочеловѣковъ въ послушаніи Творцу Своему и навсегда увѣковѣчить ихъ союзъ съ Богомъ, блаженное состояніе и безсмертіе даже по тѣлу: вообще извращаетъ и высмѣиваетъ всю дальнѣйшую священную исторію, не принимая на вѣру ни одного сказанія. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что Богъ, покровительствуя Аврааму и его потомкамъ, совершаетъ въ пользу его и его потомства самыя неестественныя (!) дѣла, называемыя чудесами (Толстой не вѣритъ въ нихъ), и самыя страшныя (!) жестокости (это Богъ то, милостивый человѣколюбивый и долготерпѣливый!), такъ что вся исторія эта, за исключеніемъ наивныхъ, иногда невинныхъ, часто же безнравственныхъ сказокъ (!), вся исторія эта, начиная съ казней, посланныхъ Моисеемъ (не имъ, а Богомъ праведнымъ и долготерпѣливымъ), и убійства ангеломъ всѣхъ первенцовъ ихъ до огня, попалившаго 250 заговорщиковъ, и провалившихся подъ землею Корея, Дафана и Авирона, и погибели въ нѣсколько минутъ 14.000 человѣкъ, и до распинаемыхъ пилами враговъ (выходитъ, что слышалъ звонъ, да не знаетъ гдѣ онъ: извѣстно, что царь Манассій безаконный царь Іудейскій велѣлъ перепилить надвое пророка Исаію за его пророчество) и казненныхъ Іезекіей (пророкомъ), улетѣвшимъ (!) на небо (не улетѣвшимъ, а вознесеннымъ какъ онъ на небо. Божіемъ повелѣніемъ на колес-

ницѣ огненной, конями огненными), несогласныхъ съ нимъ жрецовъ и Елисея, проклявшаго смѣявшихся надъ нимъ мальчиковъ, разорванныхъ и съѣденныхъ за это двумя медвѣдицами; — вся исторія эта есть (по Толстому) рядъ чудесныхъ событій и страшныхъ злодѣяній. (Толстой, отвергая личнаго святаго и праведнаго Бога, отвергаетъ и Его правосудіе), совершаемыхъ еврейскимъ народомъ его предводителями и Самимъ Богомъ (!). — Вотъ вамъ воочію безбожіе и хула Толстого на праведнаго, многомилостиваго и долготерпѣливаго Бога нашего! Но это только цвѣтки, и ягодки впереди.

* * *

Слушайте далѣе, что говоритъ Толстой о Новомъ Завѣтѣ, т. е. Евангеліи. Вы — упрекаетъ онъ духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій, — передаете дѣтямъ и темнымъ людямъ (только дѣтямъ и темнымъ людямъ, а не всѣмъ интелегентнымъ?) исторію Новаго Завѣта въ такомъ толкованіи, при которомъ главное значеніе Новаго Завѣта заключается не въ нравственномъ ученіи, не въ нагорной проповѣди, а въ согласованіи Евангелія съ исторіей Ветхаго Завѣта, въ исполненіи пророчествъ и въ чудесахъ (и то и другое и все содержаніе преподается: Толстой не знаетъ, что говоритъ или намѣренно извращаетъ истину); далѣе Толстой въ насмѣшливомъ тонѣ говоритъ — о явленіи чудесной звѣзды по Рождествѣ Спасителя, о пѣніи Ангеловъ, о разговорѣ съ дьяволомъ (въ котораго не вѣритъ, хотя онъ его истый отецъ, ибо сказано: „въ отца вашего дьявола есте" Мѳ. 8, 44), о претвореніи воды въ вино, хожденіи Господа по водамъ, о чудесныхъ исцѣленіяхъ, воскресеніи мертвыхъ, о воскресеніи Самого Господа и вознесеніи Его на небо). Наконецъ, Левъ Толстой договорился до того, что священныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта не удостоиваетъ даже и названія сказки,

а называетъ ихъ „самыми вредными книгами въ христіанскомъ мірѣ, ужасною книгою“. При этомъ невольно восклицаемъ: о, какъ ты самъ ужасенъ, Левъ Толстой, порожденіе ехидны, отверзшій уста свои на хуленіе богодухновеннаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, составляющаго святыню и неоцѣненное сокровище всего христіанскаго міра!! Да неужели ты думаешь, что кто либо изъ людей съ умомъ и совѣстью повѣритъ твоимъ безумнымъ словамъ, зная съ юности, что книги Ветхаго и Новаго Завѣта имѣютъ въ самихъ себѣ печать боговдохновенности? Да, мы утверждаемъ, что книги Ветхаго и Новаго Завѣта самая достовѣрная истина и первое необходимое основное знаніе для духовной жизни христіанина, а потому съ нихъ и начинается обученіе дѣтей всякаго званія и состоянія, и самихъ царскихъ дѣтей. Видно, только одинъ Левъ Толстой не съ того началъ, а оттого и дошелъ до такой дикости и хулы на Бога и Творца своего и воспитательницу его Мать — Церковь Божію.

* * *

Слушайте, что далѣе Толстой говоритъ о себѣ, конечно, а не о комъ либо другомъ, потому что ни къ кому не примѣнимо то, что онъ разглагольствуетъ. Въ живой организмъ нельзя вложить чуждое ему вещество безъ того, чтобы организмъ этотъ не пострадалъ отъ усилія освободиться отъ вложеннаго въ него чуждаго вещества и иногда не погибалъ бы въ этихъ усиліяхъ.

Несчастный Толстой: онъ едва не погибалъ въ усиліяхъ сдѣлаться богоотступникомъ и всетаки достигъ погибели своей, сдѣлавшись окончательно вѣроотступникомъ. Слушайте далѣе нелѣпость его, чтобы убѣдиться, что Толстой въ своей злобѣ на вѣру и Церковь клевещетъ на нее отпадая вліянію сатаны. Вотъ его слова! „Какой страшный вредъ

должны производить въ умѣ человѣка тѣ чуждыя и современному знанію, и здравому смыслу, и нравственному чувству изложенія ученія по Ветхому и Новому Завѣту, внушаемыя ему, въ то время, когда онъ не можетъ обсудить" (на это есть вѣра, какъ довѣріе истинѣ). На это отвѣчаю. Мы всѣ съ дѣтства знаемъ исторію В. и Н. Завѣта и получили отъ изученія ихъ самое всеоживляющее, спасительное знаніе и высокое религіозное наслажденіе. Толстой же, по своему лукавству и увлеченію безбожными нѣмецкими и французскими писателями, этого не могъ испытать, ибо отъ дерзкаго ума его Господь утаилъ Свою чистую премудрость.

Толстой подчиняетъ безконечный разумъ Божій своему слѣпому и гордому уму и рѣшительно не хочетъ вѣрить, какъ въ невозможное дѣло, въ сотвореніе міра изъ ничего, во всемірный потопъ, въ ковчегъ Ноевъ, въ Троицу, въ грѣхопаденіе Адама (значитъ и въ нужду всеискупительной жертвы), въ непорочное зачатіе, въ чудеса Христа, и утверждаетъ, что для вѣрующаго вовсе сказанное требованіе разума уже необязательно, и такой человѣкъ не можетъ быть увѣреннымъ ни въ какой истинѣ.

„Если возможна Троица, — продолжаетъ глумиться Толстой, — непорочное зачатіе и искупленіе рода человѣческаго кровью Христа, то все возможно, и требованія разума не обязательны. — Слышите, христіане, какъ Толстой разумъ свой слѣпой ставитъ выше Бога и поелику онъ, Толстой, не можетъ разумѣть высочайшей тайны Божества — Троичности Лицами и единства по существу, — то считаетъ невозможнымъ бытіе самой Троицы и искупленіе падшаго рода человѣческаго кровью Г. Христа. Забейте клинъ, говоритъ онъ, между половицами закрома; сколько бы вы не сыпали въ такой закромъ зерна, оно не удержится.

Точно также и въ голову, въ которой вбитъ клинъ Троицы, или Бога, сдѣлавшагося человѣкомъ и Своимъ страданіемъ искупившаго родъ человѣческій, и потомъ опять улетѣвшаго (какое искаженіе св. Писанія!) на небо, не можетъ уже удержаться никакое разумное, твердое жизнеописаніе".

Отвѣчаю: — Толстой точно вбилъ себѣ клинъ въ голову гордое невѣріе и оттого палъ въ совершенную безсмысленицу, относительно вѣры и дѣйствительнаго жизнепониманія, извративъ совершенно разумъ и его міросозерцаніе, и всю жизнь поставилъ вверхъ дномъ. Вообще Толстой твердо вѣритъ въ непогрѣшимость своего разума, а религіозныя истины, открытыя людямъ Самимъ Богомъ, называетъ безсмысленными и противорѣчивыми положеніями, а тѣ, которые приняли ихъ умомъ и сердцемъ, будто бы — люди больные (не боленъ ли самъ Толстой, не принимающій ихъ?).

* * *

Все сочиненіе Толстого „Обращеніе къ духовенству" наполнено самою безстыдною ложью, къ какой способенъ человѣкъ, порвавшій связь съ правдою и истиной. Вездѣ изъ ложныхъ положеній выводятся ложныя посылки и самыя нелѣпыя заключенія. Авторъ задался цѣлью всѣхъ совратить съ пути истины, всѣхъ отвести отъ вѣры въ Бога и отъ Церкви; старается всѣхъ развратить и ввести въ погибель; — это очевидно изъ всего настоящаго сочиненія его.

На всѣ отдѣльныя мысли Толстого отвѣчать не стоитъ — такъ онѣ явно нелѣпы, богохульны и нетерпимы для христіанскаго чувства и слуха: такъ онѣ противорѣчивы и бьютъ сами себя, — окончательно убили душу самого Льва Толстого и сдѣлали для него совершенно невозможнымъ обращеніи къ свѣту истины.

„Не отвѣщай безумному по безумію его, гово-

рить премудрый Соломонъ, да не подобенъ ему будеши“ (Причт. Солом. 26, 4). И дѣйствительно, если отвѣчать Толстому по безумію его, на всѣ его безсмысленныя хулы, то самъ уподобишься ему и заразишься отъ него тлетворнымъ смрадомъ.—„Но отвѣщай безумному по безумію его, продолжаетъ Соломонъ, въ другомъ смыслѣ, да не явится мудръ у себе“ (5 ст.). И я отвѣтилъ безумному по безумію его, чтобъ онъ не показался въ глазахъ своихъ мудрымъ предъ собою, но дѣйствительнымъ безумцемъ. Развѣ не безуміе отвергать личнаго, всеблагого — премудраго, праведнаго, вѣчнаго всемогущаго Творца, единаго по существу и троичнаго въ лицахъ, когда въ самой душѣ человѣческой, въ ея единомъ существѣ, находятся три равныя силы: умъ, сердце и воля, по образу трехъ лицъ Божества? — Развѣ человѣчество не уважаетъ въ числахъ — число три болѣе всѣхъ чиселъ то по самой природѣ своей чтитъ Троицу, создавшую тварь? Развѣ человѣчество не чувствуетъ своего паденія и крайней нужды въ искупленіи и Искупителѣ! Развѣ Богъ не есть Богъ чудесъ и самое существованіе міра развѣ не есть величайшее чудо? Развѣ человѣчество не вѣруетъ въ происхожденіе свое отъ одного праотца? Развѣ оно не вѣруетъ въ потопъ! Развѣ не вѣритъ въ адъ, въ воздаяніе по дѣламъ, въ блаженство праведныхъ, хотя не всѣ по откровенію слова Божія? Развѣ Толстому не жестоко идти противъ рожна? Можно ли разглогольствовать съ Толстымъ, отвергающимъ Альфу и Омегу — начало и конецъ? Какъ говорить серьезно съ человѣкомъ, который не вѣритъ, что А есть А, Б есть Б? — Не стоитъ отвѣчать безумному по безумію его.

Главная магистральная ошибка Льва Толстого заключается въ томъ, что онъ, считая нагорную проповѣдь Христа и слово Его о непротивленіи злу, — превратно имъ истолкованное, — за исход-

ную точку своего сочиненія, вовсе не понялъ ни нагорной проповѣди, ни заповѣди о нищетѣ духовной нуждѣ смиренія и покаянія, которыя суть основаніе христіанской жизни, а толстой возгордился, какъ сатана, и не признаетъ нужды покаянія, и какими то своими силами надѣется достигнуть совершенства безъ Христа и благодати Его. безъ вѣры въ искупительныя Его страданія и смерть, а подъ непротивленіемъ злу разумѣетъ потворство всякому злу — по существу, непротивленіе грѣху, или поблажку грѣху и страстямъ человѣческимъ, и пролагаетъ торную дорогу всякому беззаконію, и такимъ образомъ дѣлается величайшимъ пособникомъ дьяволу, губящему родъ человѣческій, и самымъ отъявленнымъ противникомъ Христу, — Вмѣсто того, чтобы скорбѣть и сокрушаться о грѣхахъ своихъ и людскихъ, Толстой мечтаетъ о себѣ,—какъ о совершенномъ человѣкѣ или сверхчеловѣкѣ, какъ мечталъ извѣстный сумасшедшій Ницше; между тѣмъ какъ, что въ людяхъ высоко, то есть мерзость предъ Богомъ. Первымъ словомъ Спасителя грѣшнымъ людямъ — была заповѣдь о покаяніи. „Оттолѣ началъ Іисусъ проповѣдати и глаголати: покайтеся, приближибося царство небесное“; а Толстой говоритъ не кайтесь, — покояніе есть малодушіе, нелѣпость, мы безъ покаянія, безъ Христа, своимъ разумомъ достигнемъ совершенства да и постигли, говоритъ: — посмотри на прогрессъ человѣческаго разума, человѣческихъ познаній, литературы романической, исторической, филосовской, разныхъ изобрѣтеній, фабричныхъ издѣлій, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, телефоновъ, фонографовъ, грамофоновъ, аэростатовъ. Для Толстого нѣтъ высшаго духовнаго совершенства въ смыслѣ достиженія христіанскихъ добродѣтелей — простоты, смиренія, чистоты сердечной, цѣломудрія, молитвы, покаянія, вѣры, надежды, любви, въ христіанскомъ смыслѣ; христіанскаго под-

вига онъ не признаетъ; надъ святостью и святыми смѣется — самъ себя онъ обожаетъ, себѣ поклоняется, какъ кумиру, какъ сверхчеловѣку; я, и никто кромѣ меня, мечтаетъ Толстой. Вы всѣ заблуждаетесь; я открылъ истину и учу всѣхъ людей истинѣ! Евангеліе по Толстому, вымыселъ и сказка. Ну, кто же, православные, кто такой, Левъ Толстой.

Это Левъ рыкающій, ищущій кого поглотить.— И сколькихъ онъ поглотилъ чрезъ свои льстивые листки! Берегитесь его.

Протоіерей *Іоаннъ Сергіевъ* (Кронштадтскій).

2007066311